

ЖИВАЯ КРЕПЬ

Поэма-быль

ВСТУПЛЕНИЕ

Поспевшей рожью
дышит бок бугра.
Ручей в низине
вербы привечают.
Два тополя у шахтного двора
на гибких ветках
облако качают.
Идут под ними в баню горняки.
Они из шахты вышли только-только.
Идут черны,
усталы,
широки,
касаясь веток грубою спецовкой.
Глощают жадно воздух голубой.
Ладонью пот со лба стирают - жарко!
И птичий свист сквозит от ламповой
к цветами разневестившейся балке.
Глаза, что так привыкли к тьме глухой,
еще слепит
родной земли безбрежность.
У горняков
особенная нежность
к травинке, к солнцу,
к дали голубой.

I

Узлами троп
рябит холма наклон.
Росой рассветной
каждый стебель сыт.
А на холме
громадный террикон,
степным орлом
наохлившись, сидит.
Вцепился взглядом в тучу впереди.
Суров и хмур.

Казалось, мускулистый,
слетел он с крепкой Митрия груди,
оставив шрамов след на ней
когтистый.
А Митрий мой привычною тропкою
идет на смену, молча, с обушком.

Туда спешит, где каждый штрих забоя
еще с войны доподлинно знаком:
в пятнадцать лет
навальщиком работал,
посадчиком, сноровисто бутыл.
Всего себя выкручивал для фронта,
по суткам на-гора не выходил.
После войны -
опять война настала
с разрухой, мором -
жадной смерть была.
В борщ лебеды по балкам не хватало,
по хатам обескровленным - тепла.

И неспроста в натруженные руки
правительство вручало от души
тем - ордена,
другим -
отрез на брюки,
а третьим... третьим...
- Митька, покажи!
- Покаж!
- Покаж!
- Ух ты-ы!!
- Счастливчик, братцы!!
Вперяла взгляд в лощеный лист братва,
где Митьку направляли покататься
на боевом прославленном «ПО-2».
И мотор заревел и натужно, стыло.
Побежала сама под колеса трава.
То ль от слабости в теле
слегка затошнило,
то ль от радости крúгом пошла голова.
Самолет от земли оторвался неслышно.
Под картавящий крик паровозных гудков.
И в себя он пришел,
когда гибкие вишни
опустили угольчики белых платков.
И чем ближе «ПО-2»
к облакам подбирался,
тем азартней глазам
открывался простор,
тем все выше над жизнью своей
поднимался
с детства - детства не видевший
юный шахтер.
Замирало в груди
то щемяще, то жутко.

А когда пронеслись над поселком опять,
от сознания, что видит полет их Анютка,
стала в скулах
мужицкая кость проступать.
- Аня!.. Аня, голубка,
- ты слышишь меня?!
Здесь прохладно, как в шахте,
и весело даже.
Высота, понимаешь, и есть глубина,
коль упрямей глядишь,
значит, видится дальше,
Сели.
- Митя!..
- Анюта!..
И руки сплелись.
Столько ласки и радости в лицах!
Одолев неприступную высь,
стали чувства любовью светиться.

Самолет в стороне, словно конь,
отдыхает в траве сочнолистой.
Степь шершава кругом и бугриста,
и чиста, словно Митьки ладонь.
- Аня!
- Митя!
И кругом земля.
И дорога, дорога, дорога...
Рвы, как линии жизни, в поля
убегают упрямо и строго.
Как судьбу мне по ним предсказать?
Что она принесет и откуда?
Свадьбу - точно!
А дальше, как знать!
Все за маревом скрыто покуда.

* * *

Наливался подсолнух кургузый
жаром солнца по балочным склонам.
Молодая в соку
кукуруза
убегала к седым терриконам.
Разомлевшие груди свои
молоком переполнила сладким.
Знать, дородными будут початки.
Лето силы бунтует в крови.

Шелохнулась цветами межа -
с лепестков пыль смахнули росинки.

И задумчивый лютик, дрожа,
посветлевшей коснулся травинки.
Бойко девушка в глянец ставка
окунула упругую ногу.
И кудрявого парня слегка
окропила водой.
И дорогой
в сад помчалась.
Хохочет: - Лов-ии!!
Зреют лета соблазны в крови.
И...

СВАДЬБА

Ни к чему пустые разговоры,
у нас в Донбассе
просто пьющих нет!
Вот и сегодня
свадьба у шахтера.
Гуляй, ребята, так,
чтоб ахнул свет!

Юбочка бордовая,
сама чернобровая!..

В круг попал в шахтерках горнячок -
черный весь, одни белеют зубы.
И в стакан забулькал первачок.
Ну-ка, врежь!
И «врезал» - глянуть любо.
По привычке крякнул:
Хороша-а!
Хороша и водка, и невеста!

Каску набок сдвинул не спеша
и пошел чесать чечетку с места:

Ой, крепильщик,
в степи, в степи
выходи по балке.
Мы любовь с тобой закрепим
поцелуем жарким!

А не следи за мной, насыпщик,
отчехвощу - я така!
Ты насыпщик как насыпщик,
я люблю наваль-щи-ка!

На мостовую брызнул дождь монет.
- На счастье! - рослый выкрикул горняк.
- Но сбоку смуглый терриконщик-дед
сказал,
взглянув на скачущий пятак:
- Какое же ты счастье? Ты - медяк!
А счастье вот... красуется в жене
разумной, как у Митрия Анюта...
И мрачно вздрогнул мускул на спине,
напомнив ЗАГСа долгую минуту,
толпы на миг застывшее лицо,
когда под блеск бокалов полутусклый
вдруг у невесты выпало кольцо,
минуя Митьки палец
заскорузлый.
- Примета злая! - замер дед, как дуб, -
ведь Митрий-то забойщик,
углеруб!

Ой за садом,
да за терриконом,
ой торгуют бабы
самогоном!

В РАБОЧЕЙ НАРЯДНОЙ

Дошатый пол, в щербатых щелях весь.
На стенке вымпел. На скамейках в ряд
братва предсменный слушает наряд.
А дым такой, что хоть топор повесь.
Но горняки чадят все и чадят.
В кустах бровей ворочаются тени
от волевых начальственных речей:
- Чтоб раскачать нам славу позвончей,
нам потрудиться надо в воскресенье.
И потому, сначала так решим:
все безотказно выйдут на работу...
- Не выйду я, окурочив потушив, поднялся Митрий.
Нет такой охоты!

Мгновенно зал как будто онемел.
Лишь только сзади кто-то чиркнул спичкой.
Коль высказаться Митрий захотел -
не миновать с начальством
крепкой стычки.

Раздули штаты трутней, преи не преи!..
Куда ни ткнишь - в конторе все юристы!

На должности подземных слесарей
охочие до девок футболисты!
Не выйду я!
Чего мне ВЫХОДИТЬ?
Комбайн негодный заменили б лучше.
Вчера всю смену уголь бы рубить,
мы ж простояли!
Кор-рень в твою душу!
План общий - есть!
А в лавках, что... не стало?
Выходит, кильку ешь,
а говори - сало!
Не выйду я! Зачем идти? Стоять?
Концерт в ДэКа дает артист любимый!
Желанья нету, вобщем, покрывать
беспечность вашу
днями выходными!
- Беспечность!
Ах, идол! - разверзся крик.
- Важнее концерт!
Чечь участка губишь!

И от того совсем сдурел старик:
- Да я тебя!!!
Как шелковый ты будешь!

На шее задергались прутья жил.
Но Митрий был парень с ухваткой бравую
Он только топор и переложил
из левой ручищи
в правую.
Тут встал бригадир:
- Зря чего кричать,
лить воду в дырявый чайник?
Давно с беспорядком пора кончать!
Вот так-то! Решай, начальник!
Меня не за тем смертоносный вихрь
ломал и в боях, и на ребрах штрека,
чтоб нынче за лозунгом дутых цифр
не стало видать человека!

На стуле заерзал Иван-новичок...
А Митрий подумал:
Грозы не видел...
Кровля в забое дряная. Ч-черт!
Ради парнишки
придется выйти.

II

Узлами троп
рябит холма наклон.
Росой рассветной
каждый куст облит.
Где на холме громадный террикон,
туда привычно
Митрий мой спешит.
Рукой с шалфея бабочку спугнул,
и полетела вверх павлиноглазка.
Степь... Степь в цвету.
Ромашек-скромниц ласка
и ветерка пропахший ветром гул.
Лиловый от цветенья астрогала
и белый от катрана,
что есть сил
он над горой промчался, где бывало
мальчишкой Митрий
день встречать любил.
Куда к гнезду под кочкою торопко
он, в кулачке зерно к груди прижав,
спешил к птенцам
по отсыревшей тропке,
с кем окрылялся вместе
и мужал.

В ЗАБОЕ

Треть смены как не ладится работа.
Треть смены как дается план с трудом.
Не говорю о жилах,
жилы, что там -
канат сталистый рвется на живом!
Но вот резцы комбайна
вгрызлись в стену
пласта.
Стругнули бок,
а дальше вновь никак!
И, как забои, круто вздулись вены
на трудовых коряжистых руках.
Вперед, братва!

Качнулась твердь земная,

и с хряском уголь рухнул в рештаки.
Породу сапогами приминая,
пустили в ход сноровку горняки.
Ревет комбайн.
Ручьями пот по спинам.
Так в раж вошли -
подошвы почву рвут!
И если даже солнце вдруг остынет -
они свое
под звездами
зажгут!

Распалились.
Но вот угрозой
уже из-за стойки дохнул обвал.
И сгрудились все,
словно горстка матросов,
треножа подземный
девятый вал.
Стожилый - свиреп он и страшно лих
Железо в клубки корежит.
И только характер упрямый их
никак одолеть не может.

Вот Митрий,
поправив на каске свет,
прощупал им кровлю крепко.
Всегда для ребят он в крутой момент
был самой надежной крепью.
Толчок! И крутнуло комбайн в тупик.
А кровля породой дышит.
- Назад отойди, Иван...
Ученик!
Наз-зад!! -
крикнул Митрий, - слышишь?!
Но с треском,
внезапней, чем ярый гром,
вдоль тумбы скользнула глыба.
И он, новичка оттолкнув плечом,
вздохнуть не успел,
как штыба
зловещее облако
почвой волглой
по лаве в крови поползло, как страх.
Рухнула кровля!
И на-горах
орел-террикон, цепеня,
вздрагнул.

Ветер смял ковыли.
А сверчки застрочили
тот же самый мотив,
что и сутки назад.
Вентиляторы где-то в степи
забасили.

Вентиляторы... - легкие шахт.
Над копром облака
кумачовыми стали.
Проступал террикон
изваяньем орла.
И во взгляде его
проникающем в дали,
искра Митькиных будней
упрямо жила.

И под небом,
покрывшим себя кумачом,
вдруг возникший «ПО-2»
посмурнел на лету.
И блеснув, как слезою,
закатным лучом,
запредельную взял
высоту.

Ш

В дверях топтались молча,
всей бригадой.
Как сообщить, что мужа больше нет?
Не на Анюту - в бок
бросали взгляды,
как будто им мешал квартирный свет.
Ну а она уже звала их в зал.
- А Митя, где?
Опять в прорыве, что ли?
- Ты нас прости...
И старший замолчал.
Мозоль поскреб зачем-то на ладони.
- Он не придет...
Он вызвался без просьбы...
Он так собой стихию обуздал,
как никому из нас
не удалось бы.

- Он не...

И в горле
голос оборвался.
Обмякла. Свет качнулся нелюдим.

...А с улицы
гуляющим казался
тот свет в окне,
уютным и родным.

ЭПИЛОГ

... И снова - клеть.
Пора бригаде в путь.
Гудит канат натружено и тяжко.
Но перед тем,
как в грозный мрак шагнуть,
все по последней делают
затяжке.
Блестит на робах
пота с пылью смесь.
До одного проверены на верность.
Вот и Иван,
спасенный Митькой здесь.
Сейчас они покинут все поверхность.
Исчезнет жизнь обыденная с глаз.
Возникнет глубь,
где каждый миг не прост,
где на коленях взламывая пласт,
живут шахтеры жизнью
в полный рост!

1976 г.